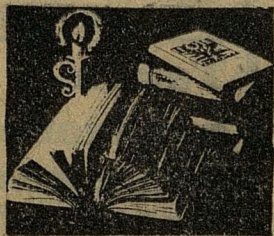

12 9 ОКТ 1980

Вечерняя Уфа
Уфа

клуб книголюбов

ПУТЬ К ОТКРЫТИЮ

сокровищницу духовный опыт своего народа, то лучшее, что он накопил в прошлом, чем обогатился в настоящем». Слова, сказанные Николаем Рыленковым почти двадцать лет назад о поэзии М. Карима, оказались пророческими. Они с таким же правом могут быть отнесены к сегодняшним достижениям поэта в области драматургии. Его драмы — «Свадьба продолжается» (1947), «Одинокая береза» (1950), «Неспетая песня» (1955), «Страна Айгуль» (1967), комедия «Похищение девушки» (1959), трагедии «В ночь лунного затмения» (1963), «Салават» (1971), «Не бросай огонь, Прометей!» (1975) идут на сценах десятков театров страны, в них при таком жанровом многообразии ставится перед современниками целый ряд нравственно-психологических и социально-мировоззренческих проблем.

Прежде, чем приступить к анализу драматургического опыта Мустая Карима, автор совершает небольшой экскурс в литературное наследие башкирского народа, устанавливая, чем питается

талант художника. Вне сомнения то, утверждает исследователь, что Мустай Карим как драматург в первую очередь сложился в эстетической системе башкирской литературы. Поэтико-драматургическая фактура его пьес приведена в действие могущим механизмом богатейшего устного народного творчества, созданного в глубине веков.

Нельзя упускать из виду и то, констатирует автор монографии, что первые пьесы поэта появились тогда, когда башкирская драматургия уже имела собственные традиции. С первых шагов драматург опирался на творческие достижения своих предшественников — М. Гафури, Д. Юлтыя, А. Тагирова, С. Мифтахова, Х. Ибрагимова, Б. Бикбая и других, а также на богатейший опыт родственной татарской и русской драматургии. В исследовании прослежен путь творческого роста, зримо показан внутренний процесс рождения собственных традиций драматурга.

Пьесы М. Карима поражают оригинальностью, многообразием форм и жанров,

завершенностью характеров, целенаправленностью хода осмысления изображаемой действительности. Прав исследователь, говоря, что М. Кариму при создании произведений чуждо стремление к иллюзии жизнеподобия.

За каждым образом зритель видит человеческую судьбу, большую и полную. А это уже требует от таланта полноты правды, искренности и бесстрашия в борьбе за утверждение доброты и красоты. Борьба между добром и злом у Мустая Карима многомерна, она в каждом случае очеловечена и индивидуализирована. Видно, потому обстоятельства и образы, способы разрешения поставленной проблемы почти всегда несут в себе штрихи необычайности и неожиданности, равно — метафоричности. Это особенно ярко выражено в драме «Страна Айгуль», которую видный театральный критик Николай Абалкин назвал «самой поэтической пьесой автора», в трагедиях «В ночь лунного затмения», «Салават», «Не бросай огонь, Прометей!». Кильмухаметов подробно

исследует природу романтического и реального в драматургии Мустая Карима. Романтика, утверждает автор, не привносится художником в канву драматургического произведения как какой-нибудь обязательный элемент — иначе это походило бы на некую надуманную схему. Автор чуток к прекрасному, и штрихи возвышенного входят в самой жизни. Они, превращаясь в определяющую силу мустаевского мировосприятия, освещают произведение изнутри, словно волшебная лампа. Романтически приподнятые над жизнью образы Актегета и Зубаржата, этих степных Ромео и Джульетты из трагедии «В ночь лунного затмения», одного из лучших созданий Мустая Карима, контрастно противопоставлены ярким защитникам античеловеческих родовых обычаев, тому миру, где силы зла совершают свои деяния, не прямолинейно, а часто от имени самой доброты. Герои утверждают правоту через идеал и, как всегда, ценой своей жизни. Трагедия звучит жизнеутверждающе, не-

смотря на гибель юных героев.

При создании образа легендарного певца-сэсна и полководца Салавата Юлаева, как показывает исследователь, художник исходит из того, что трагическое в судьбе героя заложено исторической необходимостью борьбы за свободу родного народа. Благодаря усилению романтических средств в обрисовке героя, таких черт его характера, какими одарил его народ в своей памяти, в песнях и сказаниях, Салават предстает перед нами как истинный борец добра, чести и свободолюбия. Та же идея борьбы за свободу, служения правде, счастью людей, воплощенная в образе Прометея, вдохновила поэта на создание одной из самых глубоких его трагедий. Здесь поэтическая символика как средство изображения заиграла во всю свою мощь.

Книга, несомненно, удалась. Жаль, конечно, что, увлекаясь теоретической стороной поставленной проблемы, литературовед оставил вне поля исследования важный, на наш взгляд, вопрос о влиянии творчества Мустая Карима на последующие поколения башкирских драматургов. Написанная живым языком, книга читается с интересом.

Айдар ХАЛИМ.